

К 40-ЛЕТИЮ ИНСТИТУТА ПСИХОЛОГИИ РАН
И 85-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ Б.Ф. ЛОМОВА

КОММУНИКАТИВНЫЙ ПОДХОД В ИССЛЕДОВАНИЯХ
ВОСПРИЯТИЯ¹

© 2012 г. В. А. Барабанщиков

Член-корреспондент РАО, доктор психологических наук, профессор, заведующий лабораторией познавательных процессов и математической психологии, Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт психологии РАН, г. Москва; e-mail: vladimir.barabanshikov@gmail.com

Статья посвящена исследованиям познавательных процессов человека в рамках коммуникативного подхода, сформулированного Б.Ф. Ломовым. На материале социально-перцептивных явлений рассматриваются основания подхода и особенности их трансформации на современном этапе развития научного знания. Приводится анализ экспериментально-психологических исследований межличностного восприятия, выполненных сотрудниками, аспирантами и соискателями лаборатории познавательных процессов и математической психологии Института психологии РАН.

Ключевые слова: общение, межличностное восприятие, выражение лица, ОН-концепция, ОН-образ, коммуникативный опыт, перцептогенез экспрессий лица, представление о личности человека по выражению его лица, фациопсихология.

Несколько месяцев назад исполнилось 85 лет со дня рождения крупнейшего российского психолога, педагога и организатора науки Бориса Федоровича Ломова (1927–1989). Имя Б.Ф. Ломова символизирует мощный подъем отечественной психологии в 1960–1970-е годы и активное строительство инженерной психологии и эргономики, авиационной и космической психологии, психологии управления и педагогической психологии в нашей стране. Он стал создателем в АН СССР сильного психологического центра, основателем нового журнала, разработал системный и комплексный подходы к анализу психических явлений; организовал экспериментальные исследования восприятия, памяти, представлений и воображения. Особое место в творчестве Ломова занимала проблема общения и связанный с ней коммуникативный подход к исследованию познавательных процессов человека. Эта тема красной нитью проходит через все творчество Бориса Федоровича, начиная с его первых самостоятельных шагов в психологической науке, прослеживается в его понимании категории деятельности, реализации идеи системности, интересе к проблемам личности и социальной психологии в последние

десятилетия жизни. На сегодняшний день коммуникативный подход остается краеугольным камнем научного наследия Б.Ф. Ломова.

ПОЗНАНИЕ В СТРУКТУРЕ ОБЩЕНИЯ

Главная идея коммуникативного подхода к исследованию познавательных процессов состоит в утверждении неразрывной связи, или *единства познания и общения*. Общение играет роль основания познавательных процессов, которые, в свою очередь, включены в регуляцию взаимодействия людей [39–41, 44, 50]. С данной точки зрения восприятие человека совершается, проявляется, формируется и развивается не только в деятельности, но и в общении. Обнаруживается еще одна грань классической проблемы психологии восприятия, подчеркивающая необходимость более широкой методологии исследования перцептивных явлений.

Коммуникативный подход опирается на четыре основания: методологический принцип системности, общепсихологический план категории общения, представления об отражательной сущности психики и экспериментальные исследования познавательных процессов в межличностных взаимодействиях.

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ (проект № 11-06-01176а).

Согласно принципу системности, изучаемые явления рассматриваются с точки зрения целого и обладают свойствами, которые невозможно вывести из его фрагментов или частей. В этом контексте психика выступает как многомерное, иерархически организованное, развивающееся целое, функциональные компоненты которого имеют общий корень и онтологически неразделимы. Течение любых психических явлений системно детерминировано, а сами они играют роль важнейших детерминант биологических и социальных процессов.

Системно организованы и основания психических явлений, в том числе деятельность и общение, которые характеризуют разные, но тесно связанные стороны человеческого бытия. Если под деятельностью имеется в виду целенаправленное преобразование субъектом объекта, то под общением понимается обмен информацией, состояниями и действиями между людьми. По сравнению с актами отдельных участников общение как целое, или система, обладает новым качеством, выражающим “полифонию” (М.М. Бахтин) позиций, установок, намерений, планов и действий. Специфика общения состоит в том, что, открываясь друг другу в качестве объектов, каждый из коммуникантов воспринимает и относится к другому как к субъекту, т. е. подобному себе. Результатом общения является установление или реализация определенных отношений между людьми. Общение по-своему организует и направляет течение восприятия, мышления или представления, которые, наряду с когнитивной и регулятивной, несут коммуникативную функцию. Расширение содержания и усиление эпистемологического статуса понятия общения стало решающим шагом, ведущим к появлению нового взгляда на природу и организацию познавательных процессов.

Описываемая версия коммуникативного подхода подчеркивала *общепсихологический план* проблемы познания и общения, ассоциированный с индивидуальным уровнем общественного бытия. Главная задача исследований состояла в том, чтобы раскрыть закономерности организации, функционирования и развития познавательных процессов отдельного человека в ходе его взаимодействия с другими людьми.

Представления о самих познавательных процессах базировались на *категории отражения*, которая в отечественной науке XX столетия связывалась с сущностью психического. Как и любые психические явления, восприятие рассматривалось в качестве формы субъективного отражения действительности. Этим подчеркивались два мо-

мента. Во-первых, включенность перцептивных процессов во всеобщую взаимосвязь явлений материального мира (С.Л. Рубинштейн), приоткрывающую онтологический план анализа восприятия. Во-вторых, отнесенность содержания психических явлений к своему источнику – к среде или миру, благодаря которому человек получает возможность ориентироваться в окружающей действительности и регулировать свое поведение. Гносеологическое отношение “объект–образ” полагалось в качестве основного, а главная задача исследования виделась в раскрытии механизмов и способов презентации действительности человеку. В случае перцептивных процессов имелись в виду механизмы восприятия формы, величины, расположения предметов, их отношений, перемещений в пространстве и т. п.

Эмпирическую базу коммуникативного подхода составляли исследования динамики и результатов познавательных процессов в условиях индивидуальной и совместной деятельности [39, 47, 50, 51]. Особое место отводилось парному эксперименту, истоки которого связаны с именем В.М. Бехтерева. В ходе исследований было показано, что содержание непосредственного общения испытуемых при выполнении общей задачи значимо влияет на оценку ощущений, поиск и идентификацию необходимой информации, запоминание и воспроизведение материала, протекание представлений и мышления. Чувствительность к общению обнаруживают все уровни и основные измерения познавательной сферы человека, а непосредственное общение (“лицом к лицу”) является важнейшей детерминантой познавательных процессов.

Среди экспериментальных исследований восприятия, выполненных в русле коммуникативного подхода в период его становления, выделяются четыре направления:

- решение сенсорных задач в условиях общения (В.Н. Носуленко);
- зрительный поиск и идентификация объектов при индивидуальной и совместной деятельности операторов (В.Ф. Рубахин, И.К. Грудзинский);
- восприятие экспрессий человеческого лица как средства общения (В.А. Барабанщиков, Т.Н. Малкова);
- сравнение объектов и вербализация образов восприятия в процессе общения (Е.С. Самойленко, В.Н. Носуленко).

ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ КОММУНИКАТИВНОГО ПОДХОДА

За последние 30–35 лет в российской науке произошли глубокие изменения, которые затронули основания коммуникативного подхода и отразились в содержании исследований.

Прежде всего, произошли подвижки в мировоззрении и стратегии научного поиска, связанные с развитием неклассических форм системного подхода. Складывается синергетическая картина мира, в основу которой положены процессы *самоорганизации и саморазвития* систем [36, 49, 53, 59]. Смысл научного познания видится в анализе не столько устойчивости структур, сколько их становления, т. е. в возникновении нового в режиме актуального времени – “здесь и теперь”. При этом сам исследовательский процесс представляется живым диалогом человека с миром. Классические описания субъект-объектного типа, в рамках которых выстраивались традиционные представления о познавательных процессах, теряют универсальность и дополняются описаниями коммуникативного типа: субъект–субъект. Формируются синергетические, когнитивно-коммуникативные стратегии научного познания, призванные раскрыть целостность мира, включающего в себя и человека во всей его сложности и разнообразии. В новой системе координат субъект как таковой лишается центрирующей позиции; появляется множество центров, так или иначе согласующихся друг с другом в процессе коммуникации, в ходе полилога [55, 56].

Проникая в психологию познавательных процессов, установки синергетического мышления (неопределенность, многовариативность, необратимость) не только усиливают позиции коммуникативного подхода; они реструктурируют проблемное поле и предъявляют новые требования к получению знаний о знании. Ключевую роль начинают играть способы порождения психических явлений, закономерности их трансформаций и взаимопереходов, соотношений актуального и потенциального в познавательном процессе и т. п. [35, 54].

Другая особенность современного состояния коммуникативного подхода связана с разработкой проблемы *субъекта*. Субъект, или носитель познавательных процессов – их собственник и распорядитель – все чаще рассматривается онтологически, как “центр перестройки бытия” [52]. На индивидуальном уровне имеется в виду конкретная личность, которая разрешает противоречия между собственными притязаниями и способно-

стями, с одной стороны, и требованиями и условиями выполняемых форм активности – с другой. Распоряжаясь личностными ресурсами, человек получает возможность строить отношения с миром и в этом процессе формировать самого себя. Активность, саморегуляция, саморазвитие и самосовершенствование характеризуют ключевые свойства человека как субъекта жизни [1, 2]. С данной точки зрения мир познается экзистенциально; в процессе восприятия участвует весь человек целиком, с его физическими, душевными и духовными качествами. Сюда включаются желания и чувства, опыт и предчувствие, надежда и боль. Благодаря данному обстоятельству человек получает возможность не только ориентироваться, но и жить в окружающем мире, открывать его заново, понимать [7, 8].

Исследования показывают, что анализ субъекта жизнедеятельности – как индивидуального, так и группового – подводит к раскрытию механизмов порождения и развития целостных когнитивных образований (структур) и в этом смысле является ключевым моментом системного исследования познавательной сферы человека. Обращение к характеристикам субъекта позволяет выйти за рамки гносеологического отношения “объект–образ” и соотнести перцептивный процесс с потребностями, намерениями, прошлым опытом и оценками как самого человека, так и его партнеров по общению. Это означает, что изучение восприятия в общении не может быть эффективным без учета психологического склада личности коммуникантов и закономерностей их внутреннего мира. Наряду с индивидуально-психологическими особенностями личности (направленностью, темпераментом, характером, способностями) в центре внимания оказываются ее интегральные образования, такие как сенсорно-перцептивная организация, Я-концепция, интеллект, коммуникативная компетентность, защитные механизмы и прочее, которые определяют способ и стиль осуществления познавательных процессов. Через личность во взаимоотношения познания и общения втягиваются состояния, волевая сфера, сложнейшая система субъективных отношений человека. По существу, личность играет роль *согласующего звена* между познанием и общением. С одной стороны, она формируется и проявляется в общении, конституируя взаимодействие коммуникантов, с другой – обуславливает течение познавательных процессов и пользуется их продуктами.

С развитием экологического и социокультурного подходов в психологии по-новому рассматривается *объект познания*. Его содержание об-

разует констелляция объективных обстоятельств жизни, но взятая не сама по себе, а в отношении к субъектам познания и общения и включающая их в качестве своих компонентов. Подобное образование обозначается понятием *коммуникативная ситуация*. Она выражает способ объединения разнокачественных элементов и сил в некоторое целое, в котором цементирующая роль и инициатива принадлежит участникам общения. Коммуникативная ситуация является источником содержания познавательных процессов коммуникантов и одновременно полем их отношений и активности. Осуществляя познавательный процесс, каждый из субъектов конституирует свое бытие, одновременно подчиняясь ему и бытию другого. Коммуникативная ситуация становится главной альтернативой отдельному человеку либо вещи, познание и оценку которых принято изучать. В отличие от объекта-вещи объект-ситуация не дается заранее и до завершения познавательных актов участников общения остается недоопределенным.

На современном этапе развития психологической науки гносеологическое отношение (объект-образ) теряет лидирующее значение. Более привлекательной выглядит *онтологическая* парадигма исследования, включающая это отношение в широкий жизненный, в том числе социальный, контекст. Познавательный процесс представляется как фрагмент бытия человека, реализующего единство внешних и внутренних условий своего существования. Исходными оказываются не объект-вещь и его отражение сложившимся субъектом, а взаимоотношения человека с миром, в которых порождаются и субъекты общения/познания, и коммуникативная ситуация. Главным предметом исследования становится не образ действительности как таковой или его отдельные свойства, не когнитивные операции или характеристики стимула, а целостное *событие* жизни, вызванное потребностью людей в информации о функционально необходимых свойствах и отношениях действительности, в первую очередь, других людей. Речь идет о локальном структурировании бытия в сжатые промежутки времени: в данный момент, здесь и сейчас. Событие означает встречу или столкновение различных начал – их со-бытие, в котором рождаются новые структуры, отношения или порядок вещей. Объект и его данность познающему субъекту (в форме образа либо понятия) оказываются разными полюсами одного и того же события. Описанная методология предоставляет возможность более полного использования синергетических схем анализа,

учитывающих коммуникативное измерение познавательного процесса [9, 10].

За прошедшие годы серьезным изменениям подверглась эмпирическая база коммуникативного подхода. Она не просто расширилась: появились новые технологии, оборудование, методы, которые подняли исследования на более высокий качественный уровень. Это, в свою очередь, привело к значительному увеличению объема экспериментальных данных и возникновению новых эмпирически проверяемых концепций [10, 11, 45, 57, 61]

Так, во второй половине 1970-х годов изучение зрительного поиска и идентификации объектов в формате парного эксперимента ограничивалось записью движений глаз лишь одного из испытуемых. Одного – поскольку второй установки, позволяющей регистрировать окулоmotorную активность партнера, не было. Процедура регистрации была трудоемкой. Запись движений велась контактным способом с помощью центральной присоски, установленной на анестезированном глазном яблоке. Голова испытуемого фиксировалась в подбороднике, а его речь исключалась. В этих условиях влияние общения на перцептивный процесс устанавливалось на том основании, что маршруты внимания контрольного испытуемого при индивидуальном и совместном поиске изменялись. Конкретные способы взаимодействия коммуникантов, в том числе соотношение стратегий поиска и идентификации объекта, оставались неясными.

Сегодня, благодаря одновременному использованию нескольких высокоскоростных айтрекеров и специализированного программного обеспечения, эта методически сложная задача успешно решается. Нашими сотрудниками показано, что влияние стратегий зрительного поиска каждого из наблюдателей взаимное, их уподобление друг другу, что отмечалось ранее, не бывает полным и возникает лишь в определенных фазах общения. Полученные результаты выводят исследователей на проблему *совместного внимания* и управления им в групповой деятельности.

Важным в этой работе представляется еще один момент. Благодаря современным технологиям открывается возможность в ходе совместного поиска либо идентификации объекта регистрировать высказывания испытуемых и соотносить их с записями окулоmotorной активности. Это позволяет, с одной стороны, содержательно интерпретировать окулограммы и прогнозировать маршруты совместного внимания, с другой – “привязывать” высказывания к определенной области зритель-

ного пространства. Складывается новый перспективный метод исследования восприятия: *топосемантический анализ* [4, 34].

СТРАТЕГИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ ВНУТРЕННЕГО МИРА ЧЕЛОВЕКА ПО ВЫРАЖЕНИЮ ЕГО ЛИЦА

Согласно основным тенденциям развития проблемы познания и общения, важнейшей задачей экспериментального исследования является *поиск психологических механизмов* когнитивно-коммуникативных процессов, протекающих в экологически, социально и профессионально валидных условиях жизни людей [44–46, 48]. В связи с этим особое внимание заслуживает процесс межличностного познания и его производные, в частности, восприятие лица коммуниканта.

В ходе взаимодействия людей каждый из них оказывается и субъектом, и предметом обыденного познания, а сам этот процесс протекает во встречных направлениях. Благодаря взаимному восприятию коммуниканты как бы проникают во внутренний мир друг друга, “вычерпывают” индивидуально-психологические, эмоциональные, гендерные, этнические и др. характеристики партнеров и выстраивают на их основе свои поступки. Любое выражение человеком себя “от тела до слова” (М.М. Бахтин) и его восприятие сторонним наблюдателем становятся проявлением взаимодействия Я и Другого, включая те случаи, когда партнер присутствует в ситуации виртуально, лишь подразумевается.

Как личность другого человека и его меняющиеся состояния оказываются доступными стороннему наблюдателю? Насколько полно и глубоко? Как и на основе чего складывается образ коммуниканта? Ставя подобные вопросы, исследователь оказывается перед фундаментальными проблемами психологической науки: 1) соотношения внешнего и внутреннего в психике и поведении человека и 2) познания внутреннего через внешнее (С.Л. Рубинштейн). Без их решения общепсихологическая природа общения людей остается весьма туманной.

Следуя логике коммуникативного подхода, мы стремимся объединять общепсихологический и социально-психологический планы исследований. На уровне теории это достигается введением понятия *ОН-концепция*, фиксирующего представление конкретного человека о партнере по общению как индивидуальности, его оценку и отношение к нему. ОН-концепция рассматрива-

ется как целостное когнитивно-коммуникативное образование личности, а восприятие выражения лица – как момент порождения и/или функционирования ОН-концепции. Её содержание образует сплав реально существующих и приписываемых личности коммуниканта черт или состояний. Это личная интерполяция индивидуальности другого человека, опирающаяся на представления субъекта восприятия о самом себе (Я-концепцию) и опыт социальных взаимодействий. Воспринимая другого, мы не просто считываем начертанный в выражении лица “текст”, но и одновременно порождаем его, нагружая системой оценок, отношений и смыслов.

Чувственную основу ОН-концепции составляет наглядное представление о внешности коммуниканта – ОН-образ. Выражение лица человека характеризуется как многомерная система экспрессивных единиц (экзонов), которые в разных сочетаниях играют роль информационных опор ОН-образа. Их влияние опосредовано субъективными составляющими межличностного восприятия – коммуникативным опытом, Я-концепцией наблюдателя, его установками и языком, а итоговая оценка, или категоризация партнера по общению, устанавливается путем соотнесения наблюдаемых проявлений внешности с собственной типологией личности (состояний) наблюдателя, стихийно сложившейся у него в процессе обыденной жизни. Соответственно, распознавание состояний либо свойств личности коммуниканта всегда оказывается вероятностным событием, зависящим и от внешних, и от внутренних условий восприятия.

Закономерности межличностного восприятия изучаются на моделях викарного общения. Оно предполагает взаимодействие двух коммуникантов, один из которых (натурщик) замещается фотоизображением своего лица, другой (наблюдатель, зритель), воспринимая изображение, оценивает особенности личности и/или психологическое состояние по выражению лица натурщика. Подобная ситуация нередко встречается в повседневной жизни, а ее анализ полезен для решения ряда практических задач (масс-медиа, пограничный и таможенный контроль, криминалистика, реклама, PR, публичная политика и т. п.). Навыки “чтения” лица помогают глубже понимать людей, грамотно выстраивать межличностные отношения, правильно выбирать партнеров и друзей, выделять недоброжелателей, отличать истинные намерения от ложных.

Эмпирические данные, которые мы стараемся учитывать, получены с помощью методов

вербальной и графической идентификации эмоциональных состояний человека, распознавания экспрессий лица на фоне шума, выполнения дискриминационной АВХ-задачи, тахистоскопии выражений лица, сопоставления оценок личностных черт наблюдателя, натурщика и его изображений, пространственного морфинга и варпинга лица, 16-*PF* Кеттелла, личностного дифференциала, опросника “Шкала экзистенции” (А. Лэнгле и К. Орглер), окклюзии изображений лица, окулографии (айтрекинга) и др.

Три темы представляются для нас наиболее важными: (1) распознавание эмоционального состояния людей по их выражению лица, (2) представление о личности человека по выражению его лица и (3) построение процесса восприятия внутреннего мира Другого по проявлениям его лица.

РАСПОЗНАВАНИЕ ЭМОЦИОНАЛЬНОГО СОСТОЯНИЯ ЧЕЛОВЕКА ПО ВЫРАЖЕНИЮ ЛИЦА

Изучению когнитивных механизмов непосредственного общения на материале восприятия выражений лица посвящено несколько циклов экспериментальных исследований, выполненных в нашей лаборатории. Первоначальный интерес к теме вызвали пионерские работы Пола Экмана, который в середине 1970-х годов предложил методы объективной оценки экспрессий лица и выделил ограниченный круг базовых эмоций [62, 63]. Используя стимульный материал, любезно предоставленный Экманом, и систему графических эталонов экспрессий, разработанную совместно с Т.Н. Малковой, мы попытались раскрыть особенности восприятия эмоционального состояния человека по выражению его лица. Нас интересовали степень адекватности оценок базовых и комплексных эмоций, роль в этом процессе отдельных зон лица и динамика восприятия экспрессий в микроинтервалах времени [7, 10, 24, 25].

Согласно полученным данным, адекватность оценок лица неоднородна и зависит от модальности эмоций, интенсивности и локализации мимических проявлений. Наиболее эффективно, хотя и неодинаково точно, распознаются базовые эмоции (страх, гнев, радость, удивление, горе, отвращение). Средняя частота правильных ответов растет с увеличением выраженности экзонов относительно к их локализации. При любой выраженности экспрессий точнее идентифицируются эмоции, проявляющиеся в области рта.

Каждая базовая эмоция имеет характерные черты хотя бы в одной мимиогенной зоне. В процессе восприятия они выполняют функцию основной детерминанты, или информационной опоры. Ведущие (наиболее значимые) признаки экспрессии – α -экзоны – локализуются в области наиболее сильных (для данной экспрессии) мимических изменений. Если эмоция предполагает несколько зон с интенсивными изменениями, то ведущие признаки локализуются в нижней части лица (страх, удивление, гнев–страх, горе–радость, сомнение). Если экспрессивное выражение содержит несколько зон с равными изменениями средней интенсивности, то ведущие признаки могут локализоваться в области лба и бровей (горе, спокойствие). При достаточном времени экспозиции (3 с) ведущие признаки не локализуются в области глаз.

Восприятие экспрессии детерминруется и не ведущими признаками – β -экзонами, точность идентификации которых невысока. Они играют роль катализаторов, усиливающих либо ослабляющих действие α -экзонов. Результат восприятия зависит от степени согласованности мимических проявлений – выражают ли экзоны лица одно и то же или различные эмоциональные состояния. Трансформация элементов или отдельных частей лица независимо от их локализации расценивается наблюдателями как изменение его выражения в целом.

Любое выражение лица предполагает поле перцептивных категорий, т.е. воспринимается как сходное с рядом других экспрессий. Состав категорий и частота их актуализации зависят от модальности эмоции, полноты и локализации экзонов. Наиболее часто актуализируемая категория образует ядро, более редкие – мантию, или периферию категориального поля. Размер поля и точность идентификации эмоций связаны обратной зависимостью. Предельно широкое поле категорий соотносится с мимикой глаз, предельно узкое – с мимикой рта и экспрессивного паттерна в целом. Категориальное поле базовых эмоций уже, чем комбинированных. Основания многозначности восприятия эмоций лежит в объективной неоднородности самих экспрессий и отсутствии строгих критериев их дифференциации.

С уменьшением времени экспозиции лица с 3 с до 100 мс точность идентификации экспрессий снижается, реструктурируется система используемых экзонов, падает согласованность мимики различных зон лица и меняется содержание активности субъекта восприятия. Перцептогенез выражений лица совершается в три этапа. Сначала

ла порождается образ эмоции в целом ($t \leq 200$ мс), который уточняется ($200 \text{ мс} < t \leq 3$ с), ретушируется и вписывается в более широкий жизненный контекст ($t > 3$ с). В ходе перцептогенеза общая направленность зрителя на состояние лица коммуниканта сменяется его обследованием, завершающимся формированием интегрального образа экспрессии [7, 10, 24, 25].

Поиск закономерностей восприятия экспрессий лица продолжился в более поздних исследованиях лаборатории. Выяснилось, что восприятие состояния человека по изображению его лица строится как непосредственное общение, т.е. обмен информацией, состояниями и действиями наблюдателя и виртуального коммуниканта. В ходе этого процесса наблюдатель “заглядывает” во внутренний мир другого, соотносит с ним собственные знания, переживания и формы активности. Диалогическая размерность восприятия выражения лица отличает его от восприятия других элементов среды – как естественной, так и искусственной. Уникальность межличностного восприятия сохраняется и в тех случаях, когда экспозиция лица длится сотые доли секунды. Восприятие микроэкспрессий характеризуется: а) высокой эффективностью распознавания (по сравнению с распознаванием простых и сложных геометрических фигур, слов или даже масок), б) исходной целостностью, в) контактом наблюдателя с виртуальным коммуникантом и апелляцией к его внутреннему миру, г) сменой стратегии распознавания эмоций при изменении условий экспозиции.

Изучение распознавания схем-эталонов базовых эмоций на фоне визуального шума позволило выделить два способа восприятия экспрессий – “синтетический” (схватывается выражение лица в целом) и “аналитический” (оценки строятся на выделении элементов лица), которые по-разному влияют на идентификацию эмоций. На начальном этапе перцептогенеза “синтетический” способ содействует эффективному восприятию радости, гнева, грусти и удивления, “аналитический” способ – страха и отвращения.

Формирование первичного образа экспрессии лица (начальный этап перцептогенеза) проходит ряд взаимосвязанных стадий. На самой ранней из них (30 ± 10 мс) паттерн экспрессии представляется в предельно обобщенной форме – лица как такового. Экспрессия выделяется на второй стадии. Сначала она категоризуется как спокойное состояние натурщика, затем – как эмоция той или иной модальности. На более поздних стадиях ($100\text{--}200$ мс) достраивается либо перестраи-

вается информационная основа восприятия: усиливается влияние наиболее выраженных экзонах нижней части лица, ослабляется влияние средней области (глаз), укрепляются конфигуративные связи автономных зон и др. Содержание и величина категориального поля экспрессий постоянно меняются, а место “синтетического” способа восприятия все чаще занимает “аналитический”.

Эффективность распознавания микроэкспрессий лица взаимосвязана с характеристиками социального темперамента наблюдателя. Наиболее точно распознают эмоциональное состояние коммуниканта люди с низким уровнем нейротизма и средним уровнем экстравертированности, но ранее других догадываются о наличии экспрессии наблюдатели с высоким уровнем нейротизма. Экстраверты со средним уровнем нейротизма используют преимущественно “синтетический способ” восприятия, интроверты с высоким уровнем нейротизма – “аналитический” [10, 21, 60].

Структура субъективного пространства экспрессий изучается на материале восприятия состояний лица, переходных между базовыми эмоциями. С помощью компьютерного морфинга выражений лица, процедур идентификации и дискриминационной АВХ-задачи выявляются содержание категориального поля переходных эмоций и характеристика разделяющих их границ (эффект категориальности).

Показано, что на разных этапах перцептогенеза идентификация экспрессий совершается по-разному. На раннем этапе ($100\text{--}200$ мс) чаще сопоставляются опорные признаки экспрессий, на более позднем ($200 \text{ мс} - 3$ с) – общее выражение лица с прототипом экспрессий – спокойным состоянием. Субъективная значимость базовых эмоций неодинакова. В частности, страх имеет для наблюдателя больший вес, чем радость и гнев, которые воспринимаются как равнозначные [21, 32].

Эффект категориальности экспрессий лица проявляется в нескольких формах и зависит от темперамента (экстраверсии и нейротизма) наблюдателей [33]. Границы между категориями базовых экспрессий определяются особенностями опорных паттернов выражений лица. Они могут размещаться в середине переходного ряда (страх–отвращение), смещаться в сторону одного из прототипов (радость–гнев), быть узкими или широкими (страх–печаль) либо отсутствовать вовсе (радость–печаль) [37]. Вариативность эффекта категориальности отражает динамику соотношения категориальных полей различных базовых эмоций, указывая на моменты как дискретности,

так и непрерывности пространства воспринимаемых экспрессий.

Адекватность распознавания базовых эмоций зависит от интенсивности их проявления и пространственной ориентации изображений лица. При ослаблении выраженности экспрессии точность восприятия ухудшается в 1.8–2.1 раза; поворот изображения лица на 180° приводит к ухудшению точности опознания в 1.2–1.6 раза. Влияние условий избирательно, зависит от модальности эмоции и носит нелинейный характер. Во всех протестированных ситуациях плохо распознаются страх и горе, лучше и стабильнее всего – спокойное состояние лица.

С ослаблением выраженности эмоции и с поворотом изображения лица на 180° категориальное поле воспринимаемых экспрессий расширяется, меняет содержание и может быть децентрировано (приобретает новое ядро). В предельном случае (слабая экспрессия инвертированного лица) модальность эмоции не определяется (за исключением отвращения), а базовые экспрессии квалифицируются как спокойное состояние натурщика. Перцептивный дезогенез – нисходящая ветвь перцептогенеза экспрессий лица – совершается в направлении все более обобщенного и менее дифференцированного восприятия, завершаясь впечатлениями спокойного выражения лица либо репрезентацией лица как такового [18–20].

Природа конфигуративных связей лица и их роль в выражении эмоционального состояния человека изучалась в ходе сравнительного анализа восприятия изображений нормального и трансформированного (тэтчеризованного) лица при различной пространственной ориентации и степени выраженности базовых экспрессий. Проведенное исследование подтвердило главный факт, лежащий в основе иллюзии Тэтчер [64]: воспринимаемое выражение лица при его перевероте складывается на основе как прямых (лоб, нос, волосы, подбородок), так и инвертированных (глаза, рот) элементов. Модальность воспринимаемой эмоции, заключенной в Т-паттернах, при инверсии лица видоизменяется и определяется преимущественно его внутренней структурой.

Изображение спокойного лица нередко оценивается как выражающее различные эмоции, что указывает на наличие экспрессивного фона. Наиболее отчетливо эта тенденция проявляется при экспозиции Т-паттернов [18, 19].

По сравнению с восприятием обычных изображений лица структура категориального поля экспрессий, заключенных в Т-паттернах, имеет

несколько отличий. К ним относится, например, возможность усиления основной модальности либо формирование более определенного категориального ядра при перевероте Т-паттерна.

Для большинства базовых экспрессий оппозиция воспринимаемых состояний лица при его инверсии выражена слабо и зависит от интенсивности проявления эмоций. Вместе с тем линейка иллюзий, подобных иллюзии Тэтчер, может быть продолжена на основе, например, сильно выраженной экспрессии страха или слабо выраженной экспрессии отвращения. Высокая демонстративность иллюзии Тэтчер обусловлена уникальностью конкретного экспрессивного плана, допускающего при переворотах Т-паттерна контраст базовых эмоций (радость–гнев–радость) [18, 19].

Особенно ярко роль внутренней структуры лица проявляется в феноменах индуцированной экспрессии, когда человек, находящийся в спокойном состоянии, как бы излучает радость, печаль либо неудовольствие. В подобных случаях проявление эмоции явно превышает величину экспрессивного порога лица. В проведенных экспериментах с помощью компьютерной графики (варпинга) трансформировались фотоизображения мужских и женских лиц, отобранные из базы *Pictures of Facial Affect* П. Экмана. Варьировались: (1) высота глаз, (2) расстояние между глазами, (3) длина носа, (4) высота рта. На основе крайних изображений строились переходные ряды, различия в которых оценивались наблюдателями путем решения дискриминационной АВХ-задачи. Согласно полученным данным, эффект категориальности восприятия индуцированных экспрессий носит избирательный, очень ограниченный характер и зависит от типа лица натурщика. Большим значением в парных сравнениях обладает изображение спокойного лица [27].

Оценка сконструированных фотопортретов по шкале дифференциальных эмоций (*DES*) К. Изарда [38] показывает, что впечатления радости и грусти значимо связаны с шириной глаз и высотой рта натурщика. Чем выше посажен рот и больше расстояние между глазами, тем выше вероятность восприятия радостного выражения. С уменьшением высоты глаз это впечатление усиливается. Наряду с восприятием радости и грусти наблюдатели могут переживать впечатления интереса, удивления и страха, связанные положительной зависимостью с длиной носа и отрицательной – с высотой глаз.

Дополнительным условием восприятия страха на субъективно нейтральном лице служит низкое расположение рта. Наконец, увеличение длины

носа и снижение линии рта оказываются предпосылками впечатления вины, а короткий нос – впечатления презрения. Гнев, отвращение и стыд к варьированию конфигуративных признаков и их сочетаний индифферентны [28].

ПРЕДСТАВЛЕНИЕ О ЛИЧНОСТИ ЧЕЛОВЕКА ПО ВЫРАЖЕНИЮ ЛИЦА

Занимаясь проблемами визуальной психодиагностики, мы обратили внимание на то, что социально-психологические исследования перцепции сконцентрированы преимущественно на ошибках в оценке людей. Подчеркивая обстоятельства, исключая представление о наблюдаемом человеке (эффекты ореола, первичности, новизны, роль атрибуции, проекции и стереотипизации), исследователи стараются не замечать фактов верного (адекватного) восприятия либо рассматривают их как само собой разумеющиеся. Возникли вопросы, ответы на которые можно было получить только в ходе специально поставленных экспериментов. Насколько адекватно воспринимаются интеллектуальные, эмоционально-волевые, коммуникативные и другие особенности человека по выражению его лица? От чего зависит визуальная оценка коммуниканта и как она строится? Каково соотношение эффектов адекватного и неадекватного восприятия личности партнера по общению?

Совместно с С.М. Федосеенковой [58] на основе метода 16-*PF* Кеттелла мы разработали методику параллельных оценок индивидуально-психологических особенностей натурщиков, наблюдателей (испытуемых) и фотопортретов натурщиков наблюдателями, которая позволила получить новые данные о природе межличностного восприятия.

Оказалось, что человек, изображенный на фотографии, в двух случаях из трех воспринимается со стороны таким же, каким он представляется самому себе. Адекватность ОН-концепции зависит от проницательности наблюдателя и типа лица натурщика. В структуре ОН-концепции преобладают свойства личности, обнаруживаемые наблюдателем у других людей. Вместе с тем, чем больше элементов Я-концепции включается в ОН-концепцию, тем адекватность межличностного восприятия выше.

Индивидуально-психологические особенности натурщиков воспринимаются избирательно: одни свойства представлены в ОН-концепции более, другие – менее адекватно, третьи почти не дифференцируются. Адекватное восприятие

индивидуально-психологических свойств натурщика предполагает различные, но достаточно определенные сочетания индивидуально-психологических свойств наблюдателя. Благодаря широкой коммуникативной базе связь Я-концепции и ОН-концепции оказывается гибкой. При этом основная субъектная составляющая межличностного восприятия – структура личности наблюдателя – определяет содержание ОН-концепции не сама по себе, а посредством коммуникативного опыта [10, 26, 58].

При прямой (без принятых коррекционных поправок) оценке индивидуально-психологических особенностей коммуникантов средняя адекватность распознавания личностных черт натурщика по целому изображению лица приближается к 40%. Точность восприятия выражения лица по его правой и левой половинам совпадает с оценкой выражения лица в целом. Менее адекватную информацию дают его нижняя и особенно верхняя части. Адекватность оценок зависит от пола натурщика: выражение женского лица более точно распознается по нижней половине, мужского – по верхней.

Обращение наблюдателя к Я-концепции варьирует в зависимости от типа лица натурщика и расположения открытой зоны лица. Чаще всего это происходит при оценке нижней половины женского лица и правой стороны мужского, редко – при оценке верхней половины и левой стороны женского лица. Наблюдатели-мужчины эффективнее используют коммуникативный опыт, наблюдатели-женщины больше доверяют собственной личности (используют Я-концепцию).

Демонстрация полностью открытого лица сама по себе недостаточна для эффективного распознавания индивидуально-психологических свойств натурщика. Окклюзия способна как ослабить, так и усилить адекватность восприятия. Каждая часть лица обладает характерным набором экзотов и определенными возможностями выражения личностных черт натурщика – *экспрессивным потенциалом*. Эти возможности неодинаковы и зависят от типа лица и разновидности окклюзии. Благодаря конфигуративным связям, экспрессивный потенциал отдельных частей лица открыт изменениям [26].

В общем плане ни лицо в целом, ни его фрагменты сами по себе не являются достаточными для адекватного распознавания индивидуально-психологических особенностей натурщика. Выразительность и “читаемость” лица обусловлены его экспрессивными возможностями (потенциалом) и взаимовлиянием частей. Их своеобразный

сплав образует экспрессивную организацию лица. Многообразие форм экспрессивной организации, выявленных в экспериментах, исключает универсализацию любого из способов взаимоотношения частей лица и его целого.

Наиболее точно при всех видах окклюзии и типах лица определяются оптимизм и оригинальность натурщика, хуже всего – его легкомысленность. Оценки, выполненные на основании фрагментарного лица, могут быть и выше, и ниже целого. Точность распознавания отдельных черт личности по фотоизображению мужских и женских лиц в общем случае не совпадает. Средние значения адекватности восприятия отдельных черт достигают 90%, в то время как другие черты остаются нераспознанными (около 1%). Каждое конкретное лицо натурщика предполагает ограниченный набор устойчивых черт, которые воспринимаются наиболее и наименее адекватно независимо от типа окклюзии. Их конstellация выражает характерологическое ядро ОН-образа.

Предикторами проницательности – успешного распознавания личностных черт натурщика выступают: при демонстрации целого лица – высокий самоконтроль наблюдателя, при демонстрации горизонтально разделенного лица – зависимость наблюдателя от других людей, при демонстрации вертикально разделенного лица – слабый социальный контакт [9, 10, 13, 14, 29].

Необходимо отметить, что при всей схожести правая и левая половины лица несут разную содержательную нагрузку и по-разному воспринимаются наблюдателями. Левая от наблюдателя половина выглядит более экспрессивной, больше выражающей индивидуальность человека, правая – более сдержанной и официальной. Н.Г. Артемцева демонстрировала наблюдателям половины фотопортретов лиц известных деятелей литературы, искусства и науки – Ф.М. Достоевского, А.А. Блока, А. Эйнштейна и др., которые оценивались испытуемым с помощью 12 личностных шкал. Представленные частично, популярные люди часто оставались неузнанными, а результаты оценок их индивидуально-психологических особенностей по разным сторонам лица совпадали лишь частично. Например, по левой (от наблюдателя) половине фотоизображения лица А. Эйнштейн характеризуется как грустный, злой, умный, сильный, интровертированный, рациональный; по правой половине – веселый, добрый, безумный, мягкий, экстравертированный, чувственный. Обобщенное содержание оценок в целом соответствует индивидуально-психологическим особенностям натурщика, выявленным

биографическим методом – путем анализа писем, дневников, воспоминаний близких и друзей, автобиографических заметок. При этом совокупная характеристика личности человека, построенная на восприятии отдельных сторон лица, оказывается нередко более полной и широкой, чем при восприятии целого изображения. Вместе с тем каких-либо преимуществ одной из сторон лица обнаружено не было. Замечено лишь, что при экспозиции разных половин наблюдатели могут использовать различные стратегии оценивания. Например, при оценке левой стороны лица наблюдатели больше опираются на механизм положительной, а при оценке правой половины – отрицательной проекции [5, 6].

Адекватность восприятия индивидуально-психологических особенностей незнакомого человека зависит от контура его лица. Среди искусственно сгенерированных лиц наиболее точно оцениваются круглые, хуже всего – ромбовидные. Оценки натурщиков с квадратной, прямоугольной и треугольной конфигурацией лица не различаются и характеризуются промежуточными значениями. По сравнению с искусственно сгенерированными формами лица с природной конфигурацией воспринимаются точнее.

Контур лица влияет на оценку индивидуально-психологических особенностей человека избирательно. Наиболее чувствительны к морфотипу лица личностные черты, указывающие на уровень привлекательности натурщика (ответственность, доброта, отзывчивость, справедливость), менее чувствительны черты, связанные с экстравертированностью личности (разговорчивость, деятельность). Волевые качества человека к изменению морфотипов лица индифферентны. Оценки людей с квадратной конфигурацией лица преимущественно опираются на Я-концепцию наблюдателя, людей с круглой и ромбовидной формами – на коммуникативный опыт.

Информация об индивидуально-психологических свойствах человека, содержащаяся в контуре лица, опосредована представлениями о конституции его тела. Эффективность восприятия личностных черт натурщика по контуру лица нередко выше, чем по целому лицу [17, 31].

Другой важной детерминантой представлений о личности незнакомого человека является продолжительность экспозиции лица. Представления складываются в течение двух-трех десятков миллисекунд и в дальнейшем (50 мс – 30 с) существенно не меняются. При экспозиции целого лица на 50 мс около 60% черт личности натурщика оцениваются верно, причем их большая часть

связана с Я-концепцией наблюдателя. В отличие от перцептогенеза экспрессий лица микродинамика восприятия личностных черт подчиняется другим закономерностям [16].

На разных этапах развертывания ОН-концепции преобладают различные механизмы межличностного восприятия. При экспозиции лица в 50–200 мс определяющую роль играет Я-концепция зрителя, на интервале 3–30 с – коммуникативный опыт. Наименьшая субъективная сложность оценки личностных черт натурщика соответствует экспозиции 100 мс и возрастает при уменьшении либо увеличении времени экспозиции. Взгляд, невольно брошенный на лицо коммуниканта (длительность одной зрительной фиксации – 200–300 мс), достаточен для получения сравнительно полной информации о личности человека.

Межличностное восприятие носит избирательный характер, при этом адекватность распознавания каждой личностной черты предполагает оптимальный режим экспозиции лица. При экспозиции в 50 мс наиболее точно распознаются “сила” и “самостоятельность” натурщика, при 100 мс – “энергичность” и “деятельность”, при 200 мс и 3 с – “самостоятельность”, при 30 с – “сила” и “самостоятельность”. Большинство оценок личности при экспозиции фотоизображений в 50–100 мс выполняется точнее оценок тех же черт при экспозиции в 30 с. При этом ОН-образ как целое остается неизменным.

Информация о личности человека, заключенная в выражении лица, изображенного на фотографии, является достаточно полной и от перемещений натурщика, его поз, мимики, жестов и голоса непосредственно не зависит. Невербальная информация о коммуниканте, полученная из различных источников, не суммируется, но упорядочивается в рамках ОН-концепции. Анализ межличностного восприятия, выполняемый на основе процедур викарного общения, не противоречит требованиям экологической валидности исследований [15].

Избирательность восприятия индивидуально-психологических особенностей человека не зависит от ситуации и длительности экспозиции изображения натурщика. Лучше всего по выражению лица распознаются черты личности, связанные с доминантностью человека, хуже всего – его нравственные качества.

Средние показатели основных механизмов межличностного восприятия (за исключением проекции) в ситуациях непосредственного и опосредованного (фото- и видеоизображением) на-

блюдения достоверно не различаются и устойчивы во времени. В широком диапазоне ситуаций адекватность межличностного восприятия зависит от степени обращения к Я-концепции. Чем больше наблюдатель опирается на собственные особенности личности, тем адекватнее воспринимается натурщик [16, 30].

Описанные результаты экспериментальных исследований касаются восприятия и оценки “поверхностных” свойств личности, обеспечивающих приспособление человека к условиям его жизни (эмоциональные проявления, мотивационные, волевые и интеллектуальные особенности). Однако личность включает в себя и “глубинные” свойства – сущностные (бытийные) определения человека, которые остаются неизменными в течение длительных отрезков времени, а иногда и всей жизни (экзистенциальные качества, нравственные ценности, духовные устремления). В работах, выполненных нами совместно с И.Н. Майниной, методика параллельных оценок индивидуально-психологических особенностей людей реализовывалась на основе опросника “Шкала экзистенций” А. Лэнгле и К. Орглер, позволяющего оценить “экзистенциальную наполненность” личности человека – его способности выйти за собственные пределы, умение жить в соответствии с выбранными ценностями, доверять себе [43].

Согласно проведенным исследованиям, “поверхностные” и “глубинные” индивидуально-психологические характеристики натурщиков воспринимаются наблюдателями по-разному. По фотоизображению лица человека верно оценивается около 28% “глубинных” и до 41% “поверхностных” личностных свойств. При оценке “поверхностных” свойств наблюдатели преимущественно опираются на Я-концепцию, при оценке “глубинных” – на коммуникативный опыт.

“Глубинные” свойства личности мужчин и женщин проявляются в выражениях лица примерно одинаково, а пол наблюдателей не связан с их оценкой. Пол наблюдателей и натурщиков связан с оценкой “поверхностных” свойств личности. Уровень самоуважения и удовлетворенности собой лучше распознаются наблюдателями по фотоизображению натурщиц-женщин; уверенность в себе, уровень самоконтроля и независимость от внешних обстоятельств – по фотоизображению натурщиков-мужчин. Наблюдатели-женщины лучше, чем мужчины, распознают уровень самоуважения, удовлетворенности собой и дают более точные оценки волевым особенностям натурщиков.

Наблюдатели способны дифференцировать уровни экзистенциальной наполненности личности натурщика по фотоизображению его лица. Наблюдатели с низким и средним уровнем экзистенциальной наполненности более точно оценивают “поверхностные” индивидуально-психологические особенности натурщика, наблюдатели с высоким – с одинаковой точностью оценивают и “глубинные”, и “поверхностные” свойства натурщика.

Предиктором адекватного восприятия “глубинных” и “поверхностных” свойств личности является высокий уровень экзистенциальной наполненности наблюдателей. Более точные оценки “поверхностных” характеристик даются наблюдателями при оценке натурщиков с высоким уровнем экзистенциальной наполненности, более точные оценки “глубинных” – с низким уровнем экзистенциальной наполненности.

Раскрыто соотношение основных механизмов межличностного восприятия: проекция и резонанс чаще применяются наблюдателями при оценке “поверхностных” свойств натурщика; атрибуция и интроекция – при оценке “глубинных”.

Оценка “глубинных” и “поверхностных” свойств натурщика избирательна. Среди “глубинных” свойств по фотоизображению лица коммуниканта наиболее точно распознается способность человека ориентироваться в собственном внутреннем мире (параметр “Person”), среди “поверхностных” – волевые особенности, такие как уверенность в себе, независимость, достаточный самоконтроль (фактор “Сила”) [22, 23, 42].

Вопрос об информационной основе межличностного восприятия: как индивидуально-психологические особенности человека выражаются в состояниях лица и как “прочитываются” сторонними наблюдателями – на сегодняшний день является самым трудным. Сошлюсь лишь на данные пилотного эксперимента, в котором изучались условия доверия наблюдателя к людям, изображенным на фотографиях. В работе использовалась “Шкала личностных свойств”, разработанная на основе 16-*PF* Кеттелла [58], а также опросники “Доверие к себе” и “Доверие к другому”. Исследование показало, что люди, лица которых вызывают наибольшее доверие, обладают такими чертами личности, как общительность, открытость, доверчивость, сердечность, честность. Высокий интеллект при отсутствии перечисленных характеристик не способствует формированию доверия. Доверие вызывают лица тех людей, которые имеют высокий уровень доверия к Другому. При этом уровень доверия к себе все-

гда оказывается больше уровня доверия к Другому. Об информационной основе межличностного восприятия можно говорить лишь в общем ключе. Доверие вызывают лица (а) без характерных особенностей, нарушающих гармонию лица (размер, расположение и соотношение элементов: например, когда ширина носа равна длине губ, имеется двойной подбородок, сильно асимметричное лицо, неправильный прикус, ширина переносицы в 1.5 раз больше ширины глаз, нестандартная форма головы и т. п.); (б) в которых соблюдены пропорции нижней части лица [21]. Детализация обнаруженных тенденций требует специальных исследований.

ДИНАМИКА ВОСПРИЯТИЯ ВЫРАЖЕНИЙ ЛИЦА

Процессуальные характеристики межличностного восприятия изучаются нами с помощью регистрации окуломоторной активности наблюдателей. При этом анализируются закономерности распределения внимания и перемещения (маршруты) взора наблюдателя по поверхности лица натурщика. Согласно выполненным исследованиям, *эффект доминантности* – преимущественное распределение точек фиксации в той или иной половине лица – зависит от ряда обстоятельств. У разных людей доминантной может оказаться любая сторона лица (правая/левая, верхняя/нижняя). Наиболее часто скопление фиксаций локализуется в левой половине фотоизображения. К факторам, усиливающим либо ослабляющим данный эффект, относятся пол натурщика и особенно его расовая принадлежность, если она отлична от расовой группы наблюдателя. Доминантность частей лица зависит также от содержания решаемой наблюдателем задачи, размера изображений лица, продолжительности его экспозиции и социокультурных навыков. Это системный эффект, подчиненный собственным закономерностям порождения, динамики и развития, связанный с эффективностью решения задач межличностного восприятия лишь косвенно [10, 12].

При инверсии сильно выраженных экспрессий лица эффект левосторонней доминантности возрастает; при этом доминирование верхней части изображения остается неизменным. Доминантность восприятия слабо выраженных экспрессий носит правосторонний характер, а роль верхней части лица в их восприятии усиливается. При любой пространственной ориентации изображения привычный способ его рассматрива-

ния (общая стратегия) в целом сохраняется, подчиняясь структурным особенностям лица [12, 18, 19].

Важнейшей детерминантой организации окуломоторной активности при восприятии выражения лица является его структура. При распознавании эмоций и лиц различного расового типа свыше двух третей всех фиксаций распределяется в зонах глаз, рта, носа и переносицы. Их соотношение очень динамично и зависит от решаемой задачи, модальности, полноты и выраженности экспрессий, опыта наблюдателя и его индивидуально-психологических особенностей. Зоны интереса стягиваются саккадами в одно целое в разных сочетаниях, превращаясь в опорные пункты маршрутов обзора. Паттерны окуломоторной активности носят циклический характер и отличаются друг от друга индивидуальной стилистикой, которая воспроизводится при восприятии любых выражений лица. Контур лица фиксируется нерегулярно, а его прослеживание имеет место только при решении специально поставленных задач.

На основе полученных данных выделены пять регулярно повторяющихся изостатических паттернов движений глаз (маршрутов). Более чем в 60% случаев это “треугольный” паттерн, объединяющий позиции глаз, носа и рта. Около 20% занимает “линейный горизонтальный” паттерн, связывающий расположение глаз. Примерно 7% случаев относится к “топическим” паттернам, когда фиксации скапливаются в одной из узких зон лица, например, под левым глазом. Наконец, около 6% в совокупности занимают “линейный вертикальный” (фиксация переносицы, носа и рта) и “диагональный” (фиксация одного из глаз, носа и рта) изостатический паттерны [3].

Только по окулограмме установить содержание оперативных единиц восприятия затруднительно. Даже тогда, когда взор локализуется в области α -экзона, идентификация экспрессий может оставаться неверной. В этих случаях наряду с пространственно-временными параметрами фиксаций целесообразно использовать величину раскрытия зрачка, которая указывает на значимость для наблюдателя тех или иных элементов лица при их рассматривании [10, 18, 19].

Эффективное решение перцептивной задачи предполагает сочетание двух способов восприятия и организации глазодвигательной активности: охватывающего (амбьентного) и сканирующего (фокального). В первом случае точки фиксации скапливаются в области носа и переносицы либо переходят в продолжительный дрейф, во втором –

локализируются преимущественно в области глаз и губ. Смысл сканирования заключается в поиске и выделении локальных проявлений выражения лица. Благодаря широкому функциональному полю зрения (амбьентный способ) выражение лица воспринимается как одно целое. Преобладание того или иного способа проявляется в “синтетическом” и “аналитическом” типах межличностного восприятия.

Изложенные результаты расширяют общепсихологические представления о механизмах восприятия человека человеком, условиях его адекватности и динамики в микроинтервалах времени. Вместе с тем они поднимают ряд новых тем, разработка которых требует специальных исследований. Это проблемы: содержания и организации экзонов, способов их данности субъекту, предикторов пронитательности и стилей межличностного восприятия, природы экспрессивного потенциала и экспрессивной организации лица, типов и стратегий межличностного восприятия, форм перцептогенеза лица и их использования в реальном поведении, системной детерминации восприятия выражений лица, адекватности методов исследования межличностного восприятия, экологической и социальной валидности полученных данных и многие другие. Их совокупность образует перспективу развития новой области психологического знания и практики – *фациопсихологии*.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В данной статье автор коснулся лишь нескольких направлений исследования восприятия, заложенных в коммуникативном подходе. Не менее важными представляются исследования воспринимаемого качества предметов и событий, выполненные В.Н. Носуленко и Е.С. Самойленко. Ценными в плане понимания коммуникативной природы восприятия являются исследования психологических аспектов дискурса (Н.Д. Павлова), социального интеллекта (Д.В. Ушаков), эмоционального слуха (В.П. Морозов) и другие. Идеи, теоретические посылы и экспериментальные схемы коммуникативного подхода к познавательным процессам, заложенные в отечественной науке 30–35 лет назад, на новом витке развития знания наполняются все более глубоким конкретным содержанием. Проблема единства познания и общения, поставленная Борисом Федоровичем Ломовым, выступает сегодня как одна из активных точек роста российской психологической науки.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абульханова К.А. Принцип субъекта в философско-психологической концепции С.Л. Рубинштейна // Сергей Леонидович Рубинштейн. Под ред. К.А. Абульхановой. М.: РОССПЭН, 2010. С. 77–118.
2. Абульханова К.А., Брушлинский А.В. Философско-психологическая концепция С.Л. Рубинштейна. М.: Наука, 1989.
3. Ананьева К.И., Барабанщиков В.А., Харитонов А.Н. Изостатические паттерны движений глаз при восприятии человеческого лица // Экспериментальная психология в России. М.: Институт психологии РАН, 2010. С. 195–199.
4. Ананьева К.И., Харитонов А.Н. Совместная идентификация лиц разных рас: согласование познавательных процессов // Познание в деятельности и общении: от теории и практики к эксперименту. М.: Институт психологии РАН, 2011. С. 17–25.
5. Артёмцева Н.Г. Восприятие психологических характеристик человека по “разделенному лицу”. Дисс. ... канд. психол. наук. М., 2003.
6. Артёмцева Н.Г., Ильясов Н.И., Миловычева А.В., Нагибина Н.Л., Фивейский В.Ю. Познание и личность. Типологический подход. М.: Книга и бизнес, 2004.
7. Барабанщиков В.А. Восприятие и событие. СПб.: Алетейя, 2002.
8. Барабанщиков В.А. Психология восприятия. Принципы организации перцептивного процесса. М.: Когито-Центр, 2006.
9. Барабанщиков В.А. Восприятие индивидуально-психологических особенностей человека по изображению целого и частично открытого лица // Экспериментальная психология. 2008. № 1. С. 62–83.
10. Барабанщиков В.А. Восприятие выражений лица. М.: Институт психологии РАН, 2009.
11. Барабанщиков В.А. Онтологический подход к исследованию восприятия // Сергей Леонидович Рубинштейн. Под ред. К.А. Абульхановой. М.: РОССПЭН, 2010. С. 317–345.
12. Барабанщиков В.А., Ананьева К.И., Харитонов А.Н. Организация движений глаз при восприятии изображений лица // Экспериментальная психология. 2009. № 2. С. 31–60.
13. Барабанщиков В.А., Болдырев А.О. Тенденции восприятия индивидуально-психологических особенностей человека по частично открытому лицу // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2006. № 1. С. 127–134.
14. Барабанщиков В.А., Болдырев А.О. Восприятие выражения лица в условиях викарного общения // Общение и познание. М.: Институт психологии РАН, 2007. С. 15–43.
15. Барабанщиков В.А., Демидов А.А. Восприятие индивидуально-психологических особенностей человека в ситуациях непосредственного и викарного общения // Вестник Московского государственного университета. Серия 14. Психология. 2007. № 3. С. 107–119.
16. Барабанщиков В.А., Демидов А.А. Динамика восприятия индивидуально-психологических особенностей человека по выражению его лица в макроинтервалах времени // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2008. № 2. С. 109–116.
17. Барабанщиков В.А., Дивеев Д.А. Роль контура лица в восприятии индивидуально-психологических особенностей человека // Экспериментальная психология. 2009. № 3. С. 47–66.
18. Барабанщиков В.А., Жегалло А.В. Зависимость восприятия экспрессий от пространственной ориентации изображений лица // Современная экспериментальная психология. М.: МГППУ; Институт психологии РАН, 2011. Т. 2. С. 55–80.
19. Барабанщиков В.А., Жегалло А.В. Восприятие экспрессий тэтчеризованного лица // Экспериментальная психология. 2011. № 3. С. 28–41.
20. Барабанщиков В.А., Жегалло А.В., Иванова Л.А. Распознавание экспрессий перевернутого изображения лица // Экспериментальная психология. 2010. № 3. С. 66–83.
21. Барабанщиков В.А., Жегалло А.В., Хрисанфова Л.А. Перцептогенез экспрессий лица // Общение и познание. М.: Институт психологии РАН, 2007. С. 44–83.
22. Барабанщиков В.А., Майнина И.Н. Оценка “глубинных” индивидуально-психологических особенностей человека по фотоизображению его лица // Экспериментальная психология. 2010. № 4. С. 50–71.
23. Барабанщиков В.А., Майнина И.Н. Сравнительный анализ оценок “глубинных” и “поверхностных” индивидуально-психологических особенностей человека по выражению его лица // Современная экспериментальная психология. М.: Институт психологии РАН, 2011. С. 329–348.
24. Барабанщиков В.А., Малкова Т.Н. Исследование восприятия эмоционального состояния человека по выражению лица // Проблемы общения в психологии. М.: Наука, 1981. С. 121–132.
25. Барабанщиков В.А., Малкова Т.Н. Зависимость точности идентификации экспрессии лица от локализации мимических проявлений // Вопросы психологии. 1986. № 5. С. 131–140.
26. Барабанщиков В.А., Носуленко В.Н. Системность. Восприятие. Общение. М.: Институт психологии РАН, 2004.
27. Барабанщиков В.А., Хозе Е.Г. Конфигуративные признаки экспрессий спокойного состояния лица //

- Экспериментальная психология в России. М.: Институт психологии РАН, 2010. С. 224–229.
28. *Барабанщиков В.А., Хозе Е.Г.* Восприятие индуцированных экспрессий лица // Экспериментальная психология. 2012. № 1 (в печати).
29. *Болдырев А.О.* Восприятие выражения целого и частично закрытого лица: Дисс. ... канд. психол. наук. М., 2006.
30. *Демидов А.А.* Оценка индивидуально-психологических особенностей человека по выражению его лица в различных ситуациях восприятия: Дисс. ... канд. психол. наук. М., 2009.
31. *Дивеев Д.А.* Роль формы лица в восприятии индивидуально-психологических характеристик человека: Дисс. ... канд. психол. наук. М., 2009.
32. *Жегалло А.В.* Идентификация эмоциональных состояний лица в микроинтервалах времени: Дисс. ... канд. психол. наук. М., 2007.
33. *Жегалло А.В.* Окуломоторная активность при выполнении задачи невербальной идентификации переходных экспрессий лица // Экспериментальная психология. 2010. № 1. С. 31–52.
34. *Жегалло А.В., Куракова О.А., Харитонов А.Н.* Проблема регистрации окуломоторной активности в парном компьютеризированном эксперименте // Познание в деятельности и общении: от теории и практики к эксперименту. М.: Институт психологии РАН, 2011. С. 52–56.
35. *Идея системности в психологии* / Отв. ред. Барабанщиков В.А. М.: Институт психологии РАН, 2005.
36. *Князева Е.Н., Курдюмов С.П.* Основания синергетики. Режимы с обострением, самоорганизация, темпомиры. СПб.: Алетейя, 2002.
37. *Куракова О.А., Жегалло А.В.* Эффект категориальности восприятия – величина абсолютная или относительная? (Особенности различения переходных эмоциональных экспрессий) // Экспериментальная психология в России. М.: Институт психологии РАН, 2010. С. 270–274.
38. *Леонова А.Б., Кузнецова А.С.* Психологические технологии управления состоянием человека. М.: Смысл, 2007.
39. *Ломов Б.Ф.* Общение как проблема общей психологии // Методологические проблемы социальной психологии. М.: Наука, 1975. С. 124–135.
40. *Ломов Б.Ф.* Методологические и теоретические проблемы психологии. М.: Наука, 1984.
41. *Ломов Б.Ф.* Проблемы общей, инженерной и педагогической психологии. М.: Педагогика, 1991.
42. *Майнина И.А.* Оценка “поверхностных” и “глубинных” индивидуально-психологических особенностей личности по выражению лица: Дисс. ... канд. психол. наук. М., 2011.
43. *Майнина И.Н., Васанов А.Ю.* Стандартизация опросника “Шкала экзистенции” А. Лэнгле, К. Орлер // Психологических журнал. 2010. № 1. С. 87–99.
44. *Общение и познание.* / Отв. ред. Барабанщиков В.А., Самойленко Е.С. М.: Институт психологии РАН, 2007.
45. *Познание в деятельности и общении: от теории и практики к эксперименту* / Отв. ред. Барабанщиков В.А., Носуленко В.Н., Самойленко Е.С. М.: Институт психологии РАН, 2011.
46. *Познание в структуре общения* / Отв. ред. Барабанщиков В.А., Самойленко Е.С. М.: Институт психологии РАН, 2008.
47. *Познание и общение* / Отв. ред. Б.Ф. Ломов, А.В. Беляева, М. Коул М.: Наука, 1988.
48. *Познание и общение: теория, эксперимент, практика* / Отв. ред. Барабанщиков В.А., Самойленко Е.С. М.: Институт психологии РАН, 2009.
49. *Пригожин И., Стенгерс И.* Порядок из хаоса. Новый диалог человека с природой. М.: Эдиториал УРСС, 2000.
50. *Проблемы общения в психологии* / Отв. ред. Б.Ф. Ломов М.: Наука, 1981.
51. *Психологические исследования общения.* / Отв. ред. Б.Ф. Ломов, А.В. Беляева, В.Н. Носуленко. М.: Наука, 1985.
52. *Рубинштейн С.Л.* Бытие и сознание. Человек и мир. СПб.: Питер, 2003.
53. *Самоорганизация и наука: опыт философского осмысления* / Отв. ред. Акчурин И.А., Аршинов В.И. М.: АРТО, 1994.
54. *Синергетика и психология. Вып. 3. Когнитивные процессы* / Отв. ред. Аршинов В.И., Трофимова И.Н., Шендяпин В.М. М.: Когито-Центр, 2004.
55. *Синергетическая парадигма. Когнитивно-коммуникативные стратегии современного научного познания* / Отв. ред. Киященко Л.П. М.: Прогресс-Традиция, 2004.
56. *Системный подход к современной науке* / Отв. ред. Лисеев И.К., Садовский В.Н. М.: Прогресс-Традиция, 2004.
57. *Современная экспериментальная психология* / Отв. ред. Барабанщиков В.А. М.: МГППУ; Институт психологии РАН, 2011. В 2-х томах.
58. *Федосеевкова С.М.* Восприятие индивидуально-психологических особенностей человека по фотоизображению его лица: Дисс. ... канд. психол. наук. М.: Институт психологии РАН, 2003.
59. *Хакен Г.* Принципы работы головного мозга: синергетический подход к активности мозга, поведению и когнитивной деятельности. М.: ПЕР СЭ, 2001.

60. Хрисанфова Л.А. Динамика восприятия экспрессивных лиц: Дисс. ... канд. психол. наук. М.: Институт психологии РАН, 2004.
61. Экспериментальная психология в России / Отв. ред. Барабанщиков В.А. М.: Институт психологии РАН; МГППУ, 2010.
62. Ekman P., Friesen W. Unmasking the face. N.Y.: Prentice – Hall, 1975.
63. Ekman P., Friesen W. Facial action coding system. Palo Alto: Consulting psychologists Press, 1978.
64. Thompson P. Margaret Thatcher: A new illusion // Perception. 1980. V. 9. P. 482–484.

COMMUNICATIVE APPROACH TO PERCEPTION STUDY

V. A. Barabanschikov

Corresponding Member of RAE, Sc.D. (psychology) professor, head of laboratory of cognitive processes and mathematical psychology, Federal state-financed institution, Institute of Psychology RAS, Moscow

The article is devoted to researches of man's cognitive processes in the context of B.F. Lomov's communicative approach. Grounds of the approach and peculiarities of its transformation at the modern period of scientific knowledge development are examined on the material of socio-perceptual phenomena. Review of experimental psychological researches of interpersonal perception conducted by the staff, post-graduates and competitors of the laboratory of cognitive processes and mathematical psychology of IP RAS is given.

Key words: communication, interpersonal perception, facial expression, He-conception, He-image, communicative experience, perceptor-genesis of facial expressions, notion of person by his facial expression, the science of face perception.